

«... ДВИЖИМЫЕ ЧУВСТВОМ ИСТИННОГО МИЛОСЕРДИЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ)**Н. С. Прокурова***Волгоградская академия МВД России*

В статье дается краткий обзор художественной и мемуарной литературы о Сталинградской битве. В произведениях отечественных и зарубежных авторов находит отражение подвиг медицинских работников в Великой Отечественной войне. В статье отмечается неоценимый вклад в дело Победы медицинских работников — от военного врача до санинструктора — и акцентируется внимание на их самоотверженности, милосердии, гуманности и высоком профессионализме.

Ключевые слова: очерк, публицистическая статья, роман, повесть, жанр, прототип, санинструктор, военврач, госпиталь.

**«...GUIDED BY THE SENSE OF TRUE MERCY»
(BASED ON FICTION ABOUT THE STALINGRAD BATTLE)****N. S. Prokurova**

The article presents a short survey of literary memoirs and fiction about the Stalingrad battle. The works of domestic and foreign authors reflect the feat of health-care workers during the Great Patriotic War. The article records the inestimable contribution of health-care workers from a military doctor to a medical instructor to the cause of Victory. Moreover, the article emphasizes their selflessness, mercy, humanity and high professionalism.

Key words: an essay, social and political article, novel, story, genre, medical instructor, military doctor, prototype, military hospital.

Тема Великой Отечественной войны, начиная с 40-х годов XX столетия и по настоящее время, находит самое широкое отражение в нашей литературе. Предметом исследования писателей на протяжении долгого времени оставались важнейшие этапы войны, повлиявшие на ход мировой истории. Одним из таких этапов стала Сталинградская битва, ознаменовавшая собой коренной перелом в ходе Второй мировой войны.

В период Сталинградской битвы о героическом подвиге народа создавались произведения малых эпических форм — очерки, публицистические статьи, где писатели рассказывали о мужестве и самоотверженности участников сражения, их подвигах.

По горячим следам событий создавались героические повести («Дни и ночи» К. Симонова, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова). Позже осмысление сталинградских событий нашло отражение в более крупной жанровой форме — романах, в конце XX столетия — произведениях художественно-документального жанра.

На каждом из этапов отражения подвига Сталинграда в произведениях писателей находят свое художественное воплощение образы медицинских работников, находящихся на самых опасных участках фронта, не жалеющих жизни во имя Победы.

Прежде всего, это санинструктор Виктория Щепеня, героиня очерка К. Симонова «Дни и ночи», опубликованного 24 сентября 1942 г. в газете «Красная звезда». Подлинная фамилия этой девушки, медсестры отдельной санитарной роты 271-го стрелкового полка 10-й стрелковой дивизии войск НКВД — Шепетя Виктория Илларионовна.

С Викторией К. Симонов познакомился на пароме, во время переправы в горящий Сталинград. Автор при-

водит в очерке тот доверительный разговор, который происходит у него с девушкой, рассказывающей ему о том, что уже пятнадцать месяцев на фронте, пятый раз переправляется в Сталинград за ранеными. Виктория откровенно признается военному корреспонденту: «А все-таки каждый раз немного страшно выходить... Вот меня уже два раза ранили, один раз тяжело, а я все не верила, что умру, потому что я еще не жила совсем, жизни не видела. Как же я умру вдруг?» [9]. Симонов передает в очерке естественные человеческие чувства, переживаемые девушкой: сомнения, страх, которые преодолеваются героиней во имя долга.

Очерки имели своей целью мобилизовать силы и дух воюющего народа на борьбу с врагом, поэтому писатели старались изображать своих героев правдиво, реалистично, доподлинно показывая их чувства и переживания.

Позже образ Виктории Шепети послужил писателю прототипом к образу медсестры Ани Клименко, героини повести К. Симонова «Дни и ночи» (1943—1944). Действительно, образ Ани Клименко — это продолжение линии Виктории Щепени, но в то же время это образ более обобщенный: в нем типизированы те черты русских женщин, которые встретились Симонову на дорогах войны.

В письме Виктории Илларионовне Шепете, которую Симонов нашел тридцать лет спустя в Днепропетровске, Симонов писал: «Живо вспомнился мне и тот разговор, который был у нас с Вами во время переправы... И когда я стал писать сцену переправы Сабурова и Ани через Волгу, я вложил в уста Ани то, что Вы говорили тогда, во время переправы, мне и моему спутнику...

Та короткая встреча с Вами, та искренность, с которой Вы говорили о своих чувствах, и то скромное мужество, которое было присуще Вам и которое Вы, сами того, может быть, не замечая, проявляли тогда там, на волжской переправе, — все это оказалось для меня как для писателя первым толчком к тому, чтобы написать выведенную у меня в романе медсестру Аню именно такой, какой я написал ее. И сейчас, спустя много лет, мне хочется поблагодарить Вас...» [10]. А вскоре Симонов получил ответ «короткий, сдержанный, исполненный глубокого внутреннего достоинства»: «...Константин Михайлович, даже не верится, что так быстро проходит время и я уже не девушка, с которой Вы встречались на пароме, но я мать троих сынов, женщина, которой скоро исполнится сорок два года. Как дороги мне те минуты, когда я вспоминаю Сталинград в тяжёлые дни войны, а в то же время так хочется посмотреть его в мирное время. Увидеть Мамаев курган, подвалы, где была с ранеными, те места, где была расположена наша переправа через Волгу, встретиться с боевыми товарищами. ... Случалось, когда мне было трудно? я доставала вырезку из «Красной звезды» с Вашим очерком. Иногда хотелось написать Вам письмо о своей жизни, но так и не собралась» [10]. После войны Виктория Илларионовна Шепетья часто приезжала в Волгоград для участия в торжествах, посвященных победе советских войск под Сталинградом.

В романе К. Симонова «Солдатами не рождаются» (1963—1964) — второй части трилогии «Живые и мертвые» — писатель рассказывает о сталинградской операции по ликвидации окруженной группировки противника после того, как на юге от Сталинграда была остановлена и разбита танковая армия Гота, шедшая на помощь окруженной в Сталинграде 6-й полевой армии Паулюса. Наряду с образами главных героев — комдива Серпилина и комбата Синцова — одно из центральных мест в романе занимает образ «маленькой докторши» Тани Овсянниковой, имевший реальный жизненный прототип. Это была женщина-военврач Валентина Владимировна Тимофеева, с которой писатель встретился под Могилевом в 1941 г., когда выходил с товарищами из окружения. Уже после войны писатель вспоминал в своем дневнике «Разные дни войны»: «Мы уже собрались идти, как вдруг в лесу появилась группа вернувшихся разведчиков и еще два десятка человек, присоединившихся к ним из другой дивизии, с боями выходившей из окружения... Врач, который шел с ними, оказался крошечной худенькой женщиной. Все в отряде относились к ней с уважением и нежностью, говорили о ней, захлебываясь» [11].

В июле 1941 года К. Симонов посвятил этой женщине очерк «Валя Тимофеева», а впоследствии вывел ее образ в трилогии «Живые и мертвые». Сам Симонов писал об этом так: «Воспоминания о мимолетной встрече в лесу под Могилевом оказались для меня впоследствии первым толчком к тому, чтобы написать «маленькую докторшу» Таню Овсянникову — одно из главных

действующих лиц всех трех книг моего романа «Живые и мертвые» [11]. После войны писатель нашел Валентину Владимировну в Риге, где она жила со своим мужем, полковником запаса, и тремя детьми.

В романе ничем не приметная «маленькая докторша» Таня Овсянникова безукоризненно несет свою нелегкую, суровую службу военного врача, никому не жалуясь и не изыскивая возможности покинуть фронт. Сам комдив говорит о ней с чувством гордости: «Эта в штаб не пойдет... Этой подавай передовую» [12].

Таня переживает тяжелую душевную драму, узнав о том, что ее муж Николай Овсянников, молодой и здоровый мужчина, спокойно живет и работает детским врачом в Ташкенте в то время, когда его ровесники гибнут на полях сражений. Тане в отчаянии хочется кричать: «Да, я баба, баба, я несчастная баба, ... но я все равно хочу счастья, а не мужа в тылу, который только тем и хорош, что жив!... Мой отец умер, мой брат убит, а он и нигде не был... и я не могу думать о нем, забыв о них, и не могу поверить, что он нигде не был только потому, что так вышло, и мне странно представить себе, что я должна теперь радоваться и ехать к нему, раз он мой муж и раз он жив, жив, потому что нигде не был» (5, 199). Жизненная установка Тани Овсянниковой, в отличие от ее мужа, совсем иная. «Не представляю себе, — говорит она матери, — как же так: война еще идет, а я не буду на фронте...» (5, 338).

Мужество, смелость и внутренняя сила присущи Тане Овсянниковой. Таня с двумя автоматчиками остается охранять немецкий госпиталь, в котором 800 раненых, оказывает помощь нашим военнопленным из концентрационного лагеря и выдерживает там, где иногда не под силу мужчинам. Рядом с героическим в характере Тани неизменно соседствует гуманистическое начало. «Клятва Гиппократы» стала не пустым звуком для «маленькой докторши» Тани Овсянниковой, которая оказывает помощь немецким военнопленным, заботится о них, добивается, чтобы они не голодали.

В этой художественной картине нашла отражение суровая правда военной поры. Всему миру после войны стало известно, как гитлеровские «изуверы» от медицины проводили специальные «научные» изыскания, вызывая у военнопленных тяжелые заболевания с летальным исходом. Поэтому немецкие солдаты, попав в плен, ожидали варварского отношения к себе. Но советские медики возложили на свои плечи заботу о многих тысячах раненых, обмороженных, обожженных солдат вражеской армии. Так, в отчете Военно-санитарного управления Сталинградского фронта отмечалось: «В период разгрома окруженной группировки врага под Сталинградом взято в плен 7 лазаретов противника. Все лазареты обнаружены без госпитального белья с очень скудным санитарно-хозяйственным госпитальным имуществом. Раненые и больные лежали на голом полу (деревянном или земляном), перевязочный материал был либо на исходе, либо уже отсутствовал, запасов продуктов нигде не было. Раненые и больные, как правило, были резко истощены от систе-

матического недоедания, у многих зарегистрирована раневая инфекция — газовые флегмоны, сепсис ...» [6]. Под Сталинградом были созданы госпитали для немецких военнопленных, где медицинские работники стали оперативно проводить эффективные лечебные мероприятия. И результаты не замедлили сказаться. В том же отчете Военно-санитарного управления Сталинградского фронта читаем: «Отмечается резкое снижение смертности, что говорит об эффективности медико-санитарного обеспечения раненых и больных военнопленных. О резком улучшении, как лечебных мероприятий, так и обеспечения, пленные солдаты и офицеры и немецкий персонал отзываются весьма положительно» [6].

В апреле 1943 г. в разрушенном Сталинграде советский военный врач Г. Капранов пишет отчет «Опыт медико-санитарного обслуживания госпиталей для немецких военнопленных». Двенадцать страниц на машинке с диаграммами, таблицами, комментариями к ним. Зная об умирающих детях осажденного Ленинграда, о женщинах Сибири, стоящих в очередях за хлебом. Капранов твердо, не колеблясь, пишет, сколько надлежит отпускать продовольствия и медикаментов раненым и больным пленным солдатам армии Паулюса. Им выдавалось из расчета на каждого: 400 граммов хлеба (выздоровливающим 600 граммов), 450 граммов овощей, 70 граммов мяса. Далее в отчете шло перечисление других продуктов — вплоть до колбасы и сухофруктов» [8].

Случаи гуманного отношения советских врачей к военнопленным не были единичны: они носили массовый характер. Командир полка Луитпольд Штейдле в своих воспоминаниях рассказывает об организации помощи немецким военнопленным под Сталинградом, в Бекетовке: «Чтобы избежать сыпного тифа, холеры, чумы и всего прочего, что могло возникнуть при таком скоплении людей, была организована широкая кампания по предохранительным прививкам. ... Советские женщины — врачи и санитарки — часто жертвуя собой и не зная покоя, боролись против смертности. Они спасали многих и помогали всем. И все же прошла не одна неделя, прежде чем удалось приостановить эпидемию. ... Все шло по-деловому, без спешки и с нескрываемым интересом к немецким офицерам из-под Сталинграда. Вопросы, которые задавали нам молодые женщины в военной форме при заполнении анкет, часто нас сильно озадачивали. С военным делом эти вопросы не имели ничего общего. Речь шла обычно о доме, семье, профессии и часто также — с деликатным любопытством — о том, что мы думаем, что нас сейчас больше всего волнует.

Да, таковы советские женщины — врачи и санитарки...» [13].

Вспоминая о трагедии, постигшей 6-ю полевую армию Паулюса под Сталинградом, адъютант Паулюса Вильгельм Адам напишет: «В последние дни появилась еще одна коварная опасность, преследовавшая уцелевших солдат 6-й армии вплоть до лагерей военнопленных и скосившая десятки тысяч человек: сыпной тиф... Заражено же было более 90 процентов ар-

мии ... Несмотря на самоотверженную деятельность советских врачей и медсестер, смерть от сыпного тифа пожинала обильную жатву» [1].

О благородстве и человечности советских медицинских работников свидетельствует в своих записках и офицер разведотдела 8-го армейского корпуса Иоахим Видер. «... Несмотря на трудности с транспортом, — пишет он, — ... несмотря на бедственное положение всего гражданского населения, одним словом, несмотря на многочисленные объективные причины, русское командование старалось по мере сил оказать помощь пленным и улучшить их положение. И в этой связи хотелось бы особо подчеркнуть, что многие советские медсестры и женщины-врачи (в том числе и еврейки), движимые чувством истинного милосердия и принципами гуманизма, пожертвовали собой во имя спасения немцев, взятых в плен под Сталинградом: работая в лагерных госпиталях, они заражались сыпняком и умирали» [5].

Писатель М. Алексеев в своем интервью к 60-летию Победы говорил о том, как в 1965 году с кинорежиссером Сергеем Герасимовым они были приглашены в Западную Германию; о том, что лучше всех приняли их бывшие военнопленные немцы. «Я удивился этому, — вспоминал писатель, — а сами они объяснили очень просто: ваши люди голодали, а нам хлеб давали, нас кормили, нас спасли...» [2].

Роман Ю. В. Бондарева «Горячий снег» рассказывает об одном из сражений нашей армии с танками Гота из группы армий «Дон» фельдмаршала Манштейна на южных подступах к Сталинграду в декабре 1942-го года. Автор акцентирует свое внимание на подвиге народа в Сталинградской битве. Роман многогероев: командарм Бессонов, командир дивизии Деев, член Военного совета Веснин, лейтенанты: Кузнецов, Дроздовский, Давлатян, рядовой состав армии — все они объединены общим стремлением разгромить врага.

Как добрый гений, «в кокетливом белом полушубке, в аккуратных белых валенках, в белых вышитых рукавичках», «празднично чистая» перед читателем проходит сестра милосердия, единственная девушка в батарее, санинструктор Зоя Елагина, для которой нет ничего страшнее, ужаснее, чем оставлять раненых при отступлении. Еще ее пугает рана в грудь или живот, так как она боится «слабости, унижения, стыда перед смертью», «прикосновения к себе чужих мужских рук». «Послушай... — говорит она Кузнецову. — Если меня ранят в грудь или в живот, ... то я прошу тебя, если сама не смогу... вот здесь, в сумке, немецкий «вальтер» ... Ты понимаешь? Если сюда... не нужно делать перевязку...» [4]. И как свершившееся предчувствие Зоя получает ранение в живот и сама решает свою судьбу.

Образ Зои Елагиной — это продолжение образов Шуры («Батальоны просят огня») и Лены («Последние залпы»). Исследователь В. Панков верно подмечает, какую роль играют бондаревские героини в самой войне и на страницах произведений. «Своими образами санинструкторов, девушек на передовой, в мужском окруже-

нии, на тяжелейшей работе, писатель запечатлел ту удивительную душевность, которой они смягчают суровый быт войны. Конечно, в них все влюблены. Для многих солдат и офицеров они становятся воплощением тех женщин, которых они хотели бы видеть своими подругами, женами. Их ревнуют, из-за них страдают, порой грубые по натуре люди оскорбляют их черным словом. Наконец, и то надо принять в расчет, что они сами любят. На войну пришлось их золотая юность, первая любовь» [7].

В описании картины гибели Зои автор достигает глубочайшего психологизма, показывая ее глазами Николая Кузнецова, который любит Зою и для которого теперь «все потеряло цену, в одну секунду стало бессмысленным, не имеющим значения». В ушах его явственно тихо еще звучит нежный голос Зои: «Кузнечик... Догоняй нас. Оставайся жив, кузнечик! Только к немцам в лапы не попади» (2, 472). Но перед взором Кузнецова уже неживая Зоя. «Без шапки — наверно, осталась где-то там, в низине, — она лежала на боку, по-детски туго собравшись калачиком, как будто спала, замерла так во сне; ветер шевелил легкие волосы на ее лице, мраморно-белом, потерявшем свою живость, с особенно четкими бровями, чуть сжатыми какой-то мгновенной мукой; и брови, и затвердевшие ресницы ее, казалось тоже тихонько подрагивали, шевелились; их трогала, белила мелкая, сухая крупа текущей с бруствера поземки» (2, 472).

В основе художественно-документальной повести Г. Ключарева «Конец «Зимней грозы» и романа «Стальное пламя» лежат личные впечатления автора, участника сталинградских событий, и документы войны, тщательно изученные автором и органично введенные им в ткань повествования.

С 12-го и по 19 декабря на реке Мышкова, к югу от Сталинграда, шли жестокие бои. В последний день этих напряженных боев, 19 декабря 1942 г., помощник начальника штаба 21-го танкового полка старший лейтенант Георгий Ключарев был тяжело ранен. В январе 1943 г. его мать получила похоронку, а орден Красной Звезды искал своего героя 28 лет. Георгий Ключарев остался жив. И как архитектор восстанавливал разрушенные войной города: Одессу, Севастополь, Харьков, Сталинград.

На страницах художественно-документального романа Г. Ключарева «Стальное пламя» при исполнении служебных обязанностей погибают военврач 2-го ранга Кузьминский и медсестра Верочка; живут и трудятся лечпом полка Софья Григорьевна, девушка-санитарка Галия Чижиков из Бекетовки, которые оказывают помощь раненым, добросовестно выполняя свой профессиональный долг. Попав под обстрел противника, Галия старается уберечь сумки с плазмой крови, которыми она «обзавелась» в разбитой немецкой санчасти. Прототипом образа Галии Чижиковой была бекетовская девушка-санитарка Галия, которая, по рассказам автора романа, в полевых условиях оказала ему медицинскую помощь: вводила в вену трофейную немецкую плазму.

О тяжелом ратном труде военных медиков свидетельствует и рассказ героини документальной повести С. Алексиевич «У войны — не женское лицо» Тамары Умнягиной: «Но... самое страшное — это Сталинград... Какое там поле боя? Это город — улицы, дома, подвалы. Попробуй вытащить оттуда раненого! У меня тело было сплошной синяк. И брюки у меня все в крови. Старшина нам говорит: «Девочки, больше нет брюк, и не просите». А у нас брюки все в крови, засохнут и стоят, от крахмала так не стоят, как от крови, порезаться можно. Пятнышка чистого нет... Горело все, на Волге, например, горела даже вода. Даже зимой река не замерзала, а горела. Все горело... В Сталинграде не было ни одного грамма земли, не пропитанного человеческой кровью» [3].

Много лет прошло со времени сталинградских событий, а гвардии младший сержант, санинструктор Тамара Степановна Умнягина все помнит о них.

Выполняя свой профессиональный долг, люди в белых халатах побеждали смерть под Сталинградом, демонстрируя всему миру мужество, благородство и человечность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адам Вильгельм. Катастрофа на Волге. Мемуары адъютанта Ф. Паулюса. — Смоленск, 2001. — С. 326.
2. Алексеев М. Н. История уже написана // Культура. — 2005. — 27 апреля. — С. 6.
3. Алексиевич С. А. У войны — не женское лицо. — М., 1988. — С. 66.
4. Бондарев Ю. В. Собр. соч.: В 6 т. М., 1984. — Т. 2. — С. 323. Далее цитирование будет производиться в тексте с указанием тома и страницы.
5. Видер И. Фельдмаршал Манштейн и битва в «котле» // Сталинград: Уроки истории. М., 1980. — С. 448.
6. Гринь В. А. Народы Европы не забудут // Здоровье. — 1975. — № 5. — С. 4—5.
7. Панков В. К. Предисловие // Бондарев Ю. В. Горячий снег. — Ставрополь, 1979. — С. 8.
8. Ряшин В. Солдаты и звезды. // Правда. — 1985. — 3 февраля.
9. Симонов К. М. Дни и ночи // Красная Звезда. — 1942. — 24 сентября.
10. Симонов К. М. Разные дни войны. — М., 1977. — Т. 2. — С. 170—171.
11. Симонов К. М. Разные дни войны. — М., 1977. — Т. 1. — С. 95, 102—103.
12. Симонов К. М. Собрание сочинений: в 10 т. — М., 1980. — Т. 5. — С. 392. Далее цитирование будет производиться в тексте с указанием тома и страницы.
13. Штейдле Луитпольд. От Волги до Веймара. — М., 1973. — С. 247—248.

Контактная информация

Прокурова Наталья Сергеевна — д. филол. н., профессор кафедры русского языка, Волгоградская академия МВД России, e-mail: prokurov@mail.ru